

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

королева мистического романа

Читайте романы
ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Волчья кровь
Слеза ангела
Печать василиска
Проклятый дар
Музы дождливого парка
Самая темная ночь
Час перед рассветом
Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Судьба № 5
Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Паутина чужих желаний
Вранова погоня
Сердце ночи
Лабиринт Медузы
Темная вода
Снежить
Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ВЕДЬМИН
КЛАД

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Редактор серии *А. Самофалова*

Корсакова, Татьяна.
К69 Веды́мин клад : [роман] / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-158133-6

Могущественная ведьма, хозяйка золотых приисков в сибирской тайге, может щедро одарить, но и погубить в отместку за нанесенную когда-то обиду. Настя не искала золота. Она хотела лишь покоя и уединения, чтобы забыть об ужасном предательстве, которое ей удалось пережить. Не по своей воле оказалась она втянута в страшную историю, связанную с заветным кладом. И теперь главная задача для нее – просто выжить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158133-6

© Корсакова Т., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Демьян Субботин
Сибирь. XIX век

*Е*ловая лапа больно хлестнула по лицу. Демьян чертыхнулся и тут же торопливо перекрестился. Вот же гадские места! Изживают из человека все божеское, оставляют только черную, в самую душу вгрызающуюся тоску да алчность, от которой спасения никакого нет.

Золото, золото! Уж как он уговаривал брата уехать, не оставаться в этой глуши, на прииске этом проклятом. Да разве ж Акима переупрямишь! «Погодь, брат, еще чуть-чуть – и явит нам Господь свою милость». Дурак, неужто не видит, что нет тут Бога и милости никакой нет, а кто есть, о том и думать страшно.

Ведьма! Как есть ведьма! Очи зеленые, что молодые еловые иголки, а волосы рыжие, как лисья шкура. И сама точно лиса – верткая, текучая. А смотрит так, что аж сердце занимается – бежать хочется куда глаза глядят, чтоб только подальше от этого мхом поросшего леса, от Лисьего ручья, прииска этого ненавистного, от нее – ведьмы...

Зима ноне выдалась ох какая лютая и снежная, даже старики таких холодов не помнили. По весне, как начал снег сходить, лес превратился

в непролазное болото, а Лисий ручей – в реку такую, что без страха и не перейти. Валуны из воды торчат здоровенные, а поди ж ступи – склизко все, ненадежно, того и гляди в воду свалишься. Утонуть не утонешь – плавает он хорошо, с младенчества на Волге-матушке рос, – а вот хворь какую подхватить, как Аким давеча, – это запросто.

Аким удалюю своей завсегда любил похвалиться. Да и не понапрасну: рослый, плечистый, лицом хорош. Не то что он, Демьян. Все, чего старшему с избытком судьбинушка пожаловала, того младшему скупой рукой отмерила. Росточку невеликого, здоровья незавидного, да и рожа кривая – девка какая ежеси и глянет, так сразу и отвернется. Или, и того хуже, пожалеет. А не нужно ему, Демьяну Субботину, жалости! И братова заступничества тоже не нужно! Он сам за себя постоять сумеет. Лучшие его с ножом ни один мужик на прииске управлять не умеет, даже охотники из местных. И страшатся его не за то, что он Акимов меньший брат, а за то, что лютый, ни страху, ни пощады не ведает. И девки страшатся, оттого, видать, неласковы. Одна только не боится совсем. Ведьма! Смотрит так, что все нутро аж выворачивает, с насмешкою смотрит. Лучшие б уж с жалостью, ей-богу...

Ведьма жила в лесу, аккурат за Лисьем ручьем, в избушке такой ветхой, что, сдается, дунь посильнее – и развалится. Однако ж не разваливается. Местные сказывают, что избушка та испокон веку тут стоит, и всегда такая вот кривая, в зем-

лю вросшая по самые окна. Так ведь и немудрено, мужиков здесь никогда не жаловали. Мужики этому бесовскому отродью только для одного надобны, чтобы род ведьмовской не пресекся. Ведьма, как в силу свою ведьмовскую войдет, сама себе мужика выбирает, и уж коли выберет, так не уйти несчастному от ее колдовских чар. Охмурит, окрутит, душу в полон заберет.

Уже забрала! Аким после встречи с ведьмой сам не свой стал. Старательское дело совсем забросил, все у Лисьего ручья пропал у ведьмы этой. Демьян уже с ним и по-доброму, и по-плохому, да только не желал брат ничего слушать. Люблю, говорит, ее больше жизни. Оно и видно, что больше жизни. Вот уже второй день его лихоманка бьет. А все из-за нее, из-за ведьмы. Приворожила, навела морок. Да такой морок, что брат точно сам не свой сделался, совсем о страхе позабыл. Там, где на Лисьем ручье осторожнее нужно, с камня на камень с оглядкой переступать, он козликом молодым скакал – красовался. Допрыгался, свалился в воду. А вода в середине весны какая? А ледяная вода! Руку сунь – занемет, а тут с головой окнулся. Вот и случилась лихоманка-то...

И ведь помочь Акиму никак не выходит. Никого, говорит, видеть не хочу, никакой другой помощи мне не нужно. Позовите, говорит, Устинью. Устинья знает, как меня спасти. Может, и знает, местные все к ней на Лисий ручей бегают: кому притирки, чтобы раны быстрее заживали, кому воду заговоренную от зубов, кому отвары всякие.

Бабам в их бабских делах ведьма завсегда первая помощница, сказывают, зелье приворотное варит такое, что любого мужика приворожит. Может, и приворожит, Акима ж вон к себе крепко-накрепко привязала.

Вот и выходит: бабы за ведьму горой стоят, а мужики, те, что из местных, побаиваются, от того и не трогают ее никто – от греха подальше. Кому ж охота, чтоб градом огород побило, вся скотина за одну ночь полегла или в мужеском организме слабость такая приключилась, от которой ты уже и не мужик вовсе?! Никому! Вот и живет это бесовское отродье, а честным людям жить не дает. Да что там – не дает! Над честными людьми ведьма потешается, глазюками своими зелеными зыркает, душу невинную завлекательными взглядами очерняет. У нее ж все для того устроено, чтоб честного человека с пути истинного столкнуть, чтоб в пучину уволочь, из которой уже спасения нет.

Его, Демьяна, ведьма тоже удумала приворожить. Может, даже и приворожила чуток. А то ж как по-другому объяснить, что после редких с нею встреч он сам не свой делался, и мысли в голову лезли богомерзкие, такие, что аж зубы сводило и по спине мороз, и не спится потом всю ночь.

После такой вот бессонной ночи он к Лисьему ручью однажды и наведалься. Один, без Акима. Зачем пошел, и сам не ведал. Видать, сильный морок ведьма на него навела, потому как, только ее увидел, сразу разума лишился. А она ведь ждала

его. Точно ждала! Это ж только на первый взгляд кажется, что девка белье в ручье стирает, а если призадуматься, так видно – ведьма специально приготвила, сети раскинула. Волосы не в косу заплетены, а растрепаны, рыжей волной разметались по круглым плечам, кончики в воде полощутся. Медальончик, цапка железная, с тонкой шеи свешивается, покачивается туда-сюда промеж пышных грудей. Лицо разругннилось, и улыбка на устах зазывная, а юбки подоткнуты так, чтобы ноги были видны.

Попался он тогда в бесовской силок, кинулся сзади на ведьму, что дикий зверь. Да только увернулась гадина, рыжей лисой юркнула под руку, остановилась поодаль и насмешничает:

– Не тот ты мужик, Демьянка, которому я себя лапать дозволю. Посмотришь можешь, за то денег не возьму, а пальцем тронуть не смей. Не про твою я честь.

Ох как Демьян тогда разозлился! Даже любимый нож в кармане нашарил, потому как не привык он такие обиды никому спускать, особенно ведьмам. А она уже вроде как и не смеется, стоит подбоченившись, смотрит внимательно.

– Ты, – говорит, – Демьянка, Акима моего брат. Оттого я тебя сейчас с богом отпущу. Но лучше бы тебе дорогу к Лисьему ручью вообще забыть – не люблю я таких, как ты. Ох не люблю. А теперь прочь иди, чего застыл колодой стоефосовой?!

И ведь послушался! Пошел, не оглядываясь, хоть между лопатками так и свербело оборотить-

ся, еще раз заглянуть в зеленые лисьи глаза. Точно морок...

Морок не морок, а с тех пор затаил Демьян на ведьму лютую обиду. Не сказать, что виделись они часто: ведьма в деревне редко появлялась, а сам он к Лисьему ручью более не совался, хоть и тянуло страсть как сильно. Только вот, оказывается, не нужно Демьяну ведьму часто видеть, морок у нее такой, что каждую ночь она к нему сама во снах являлась, терзала тело и грешную душеньку муками сладострастными, не давала забыть.

Он и не забыл, все с силами собирався да ждал удобного случая. Вот случай-то и представился. Сначала жена одного из старателей родами померла. Два дня мучилась, горемычная, а как только ведьма порог дома переступила, так и преставилась. Потом Аким после ведьминых ласк в Лисьем ручье искупался и слег от лихоманки. А давеча Гордей Седов, самый старший из их артели, вдруг от хвори бесовской помер. Ничего б в том дурного не было – мало ли народу на прииске помирает! – да вот только Гордей помер аккурат после того, как к ведьме сходил за притиркой от прострела. Натерся притиркой-то да тут же как заорет:

– Ой, братцы, горит! Ой, плохо мне, ой, чешется все!

А сам давай вертеться ужом да шкуру на спине в кровь раздирать. А шкура вся красными волдырями пошла, сначала на спине, а потом-то и по всему телу. Дальше Гордей вдруг за горло схватился, засипел, посинел и все – помер! Вот тогда-то Демьян в

голос про ведьмины козни и заговорил. Местные бы ни в жисть не поверили, да старатели – народ не из пугливых, их байками про ведьмино проклятие не напугать.

Трое самых отчаянных решились с Демьяном идти к Лисьему ручью – ведьму проучить. Один – Микула – тот, чью женку с дитем неродившимся ведьма до могилы довела, больше всех ярился, грозился тварь мерзкую аки жабу болотную разодрать. Другой – Гришка Хромый, наипервейший Гордея Седова дружок, тоже на ведьму зуб имел, потому как чуть было той притиркой отравленной себе больное колено не натер, да, видать, уберег Господь, отвел беду. А третий – Ерофей – это уже его, Демьяна, товарищ, сказал, что хочет с ведьмы за Акимову лихоманку спросить, да только знал Демьян – Ерошке ведьма тоже покою не дает, во снах грезится и от дум богоугодных ох как далеко уводит.

Стало быть, четверо их к Лисьему ручью пошло. Вчетвером-то они уж как-нибудь с ведьмой управятся, спросят с этого бесовского племени по всей строгости.

Через ручей перебирались осторожно: никому не хотелось в ледяной воде искупаться. Особенно долго Гришку Хромого дожидаться пришлось, тяжело ему с его-то распухшей ногой по склизким камням скакать, а ведь не передумал, хрен колченогий, не забоялся. Ох, видать, и его ведьма за живое зацепила, не из-за Гордеевой кончины он так разошелся.

Ведьму в избушке они не нашли. Ушла небось по своим ведьмовским делам, даже дверь не закрыла – никого не боится, бесовское отродье. Да и кто ж осмелится в ее доме хозяйничать! Местные точно не осмелятся.

А в избушке чистенько: прибрано все, травами сушеными пахнет и еще чем-то вкусным. В красном углу икона. Вот ведь паскуда, даже лика Господнего не убоялась, так и творит перед его светлыми очами свои непотребства.

– Ну что, дожидаться станем? – Ерошка завалился на ведьмину кровать, закинул руки за голову и глаза прикрыл, а на морде ухмылка такая, что сразу видать, о чем помышляет, аспид.

– Так обождем, коль уж пришли, – Микула присел на тяжелую колоду, которая ведьме замест табурету, обвел недобрый взглядом сначала болтающиеся под потолком пучки сушеного зелья, потом красный угол с иконой. Видать, о том же подумал, что и Демьян, потому как нахмурился еще больше.

– А и обождем! Что ж не обождать! – Гришка сучковатой палкой, которая ему замест посоху, ткнул Ерошку в бок. – А ну, подвинься, дай старому человеку присесть.

Ерошка зашипел сквозь стиснутые зубы, но упрямитесь не стал. Гришка даром что хромой, а как до драки дойдет, так ему с его посохом еще поди равного сыщи. Минувлой весной казака одного залетного так оприходовал, что никакие притирки не помогли – отдал казак богу душу.

Не хотелось Демьяну ведьму в ее избушке дожидаться, снаружи, у ручья, оно как-то сподручнее серьезные разговоры разговаривать, да ведь с этими не поспоришь. Ох, лучше б он один пошел или с Микулой...

Они еще и осмотреться толком не успели, как дверца тихо скрипнула. Демьян, который ближе всех к порогу стоял, крутнулся вокруг себя, ножик свой любимый из кармана выхватил. А ведьме хоть бы что! Стоит себе, глазами зелеными зыркает, а косы рыжие такие длиннющие, что аж пол метут. Вот бы ее за эти косы... Как подумалось про то, так сразу жарко стало, даже ногам, в Лисьем ручье замоченным.

– С Акимом что-то? – спросила и прямо в душу Демьянову заглянула глазюками своими колдовскими.

С Акимом?.. Да что ж это такое?! На него смотрит, а все едино про Акима думает.

– И с Акимом, и с Гордеем, и с Марьюшкой моей... – Микула тяжело поднялся с колоды, шагнул к ведьме. – Ты помнишь Марьюшку?

– Поздно ты меня кликнул, добрый человек. – Ведьма вошла в избушку, кинула недобрый взгляд на развалившегося поперек кровати Ерошку, коротко кивнула Гришке Хромому. – Я уже ничем помочь не сумела, ребеночек неправильно шел.

– А Гордей? – Гришка ловко, невзирая на свою хромоту, вскочил на ноги, угрожающе взмахнул посохом. – Гордея пошто загубила, гадина лесная?! Это ж в каких муках адовых человек помирал от притирки твоей!

– В муках помирал? – Ведьма удивленно выгнула бровь. – Ничего не разумею. Хорошая притирка, третьего дня сваренная. Завсегда от прострела помогала.

– Вот и Гордею помогла... на тот свет уйти, – Демьян захлопнул дверь да спиной к ней прижился для надежности, чтобы ведьма уже точно никуда от них не делалась. – А Акима после твоих ласк лихоманка который день бьет, он уже меня, брата родного, не узнает.

– Так что ж меня не позвали?! – Ведьма сердито притопнула ногой. – У меня средство есть от жафа...

– Знаем мы твои средства. – Ерошка одним прыжком очутился позади ведьмы, поймал за косу, намотал на кулак. Так и есть, брехал, сучий потрох, что из-за Акима к Лисьему ручью пошел. Из-за ведьмы пошел. Оттого и в глазах его сейчас черти пляшут. Точно, морок. Приворожила Ерошку, как и его, Демьяна, присушила...

– Пусти!

А ведьма, кажись, и не испугалась совсем, только плечом повела так, что расшитая рубаха вниз поползла. Сразу шея стала видна и цацка эта ее железная. Честная баба крест нательный носит, а у этой вона что... Демьян отлепился от двери, шагнул к ведьме, рука сама потянулась к медальону. А ведь красивая цацка-то, необычная. И не железная вовсе, а из черненого серебра. Кажись, дутая, потому как хоть и немалого размеру, а легкая совсем.

– Не трожь! – А в глазах ведьмовских зеленый огонь все ярче разгорается. – Не трожь, сказала!

– Люба тебе вещица-то? Видно же, что люба! Может, необычная цацка, колдовская?..

– Акиму еще не поздно помочь. Я зелье одно знаю... – А ведь боится ведьма! Ерошку с его лапщами загребущими не побоялась, а за цацку эту вишь как трясется.

– А не надо Акиму твоей помощи! Коли Богу угодно душеньку его к себе забрать, так тому и противиться грешно.

– Ага, грешно. – Ерошка, дурья башка, на медальон даже и не посмотрел, рванул ворот ведьминой рубахи так, что все, от чужих глаз скрытое, сразу видно стало. У Демьяна аж дух занялся от красоты такой нечеловеческой. Точно, что нечеловеческой. Не может нормальная баба так на мужское естество влиять, чтобы тот про все на свете забывал и об одном только думать мог.

– Итит твою мать! – Гришка уже тут как тут, черт хромой, смотрит на ведьмино тело во все глаза, слюни пускает, а того не видит, что ведьма не просто так стоит, чтоб они ее бабьими прелестями любовались. В глазищах зеленых загорается пламя, такое, что не унять, а губы что-то шепчут. Заклятье, наверное, какое-то богомерзкое. И ладонью цацку свою накрыла, как будто защитить ее хочет. А по ногам уже тянет зимней стужей, и в хребет точно вгрызается кто-то зубьями острыми – колдовство...

Демьян попятился, глянул на Ерошку – и сам себе не поверил: дружок закадычный словно сам не свой, стоит, зенки выпучил, по бороде слюни текут, а тело как в лихоманке трясется. Знать, достало его ведьмино заклятье. Это ж, того и гляди, и его, Демьяна, достанет... А все от нее, от цацки этой, что у ведьмы на шее болтается, потому как светится цацка-то светом холодным, точно лунным, и свет этот сквозь ведьмины пальцы пробивается и глаза слепит так, что мочи нет смотреть. Вот, знать, в чем сила ведьмовская, в медальончике...

Тихий шепот перешел в крик, и ноги уже подкашивались, когда Демьян снова шагнул к ведьме, сдернул с тонкой шеи сатанинскую цацку. Руку будто огнем опалило, зато свет, тот, что глаз открыть не давал, сразу померк, а ведьмин крик сорвался ну точно в звериный вой. От воя того у Демьяна даже борода дыбом стала, так перепугался. Может, и убежал бы, если б не Гришка. Хромый мужиком оказался лихим и сноровистым, двинул легонько ведьму под дых своим посохом, та и осела. Если б не Ерошка, который ее так за волосы и держал, точно упала б. Но не упала, откинулася назад, обмякла. И вдруг понял Демьян, что морокто прошел. Нет больше ведьмы, которой вся приiskовая братия страшилась, а есть баба красивая да ничейная. Аким далеко, да и не жилец он более, от такой-то лихоманки...

То, что Демьян только подумал, Гришка Хромый вслух сказал:

– А что это мы, братцы, тут на нее смотрим. Мы ж, того-этого, не за тем, чтобы посмотреть, сюда пришли, мы ж ведьму проучить собиравшись. А нука, давайте это отродье бесовское на кровать тащите!

Сказал, да портки свои и скинул...

...Никто не устоял, даже Микула, который еще утром по женке своей убивался. Уж больно сочной бабой ведьма-то оказалась. А может, морок еще до конца не развеялся? Точно не развеялся! Если б развеялся, то они б перво-наперво подумали, что с ними в деревне сделают за такое-то, за ведьму ж все местные горой...

– ...А ведь, братцы, она молчать не станет, – Гришка Хромый ткнул ведьму посохом. Видать, больно ткнул, потому как застонала. Раньше-то не стонала, лежала с закрытыми глазами. Может, в беспамятстве была, а может, еще чего, кто ж ее бесовскую душу разберет.

– Не станет, – Ерошка растерянно огладил рде-денькую бороденку. – Что делать-то станем, братцы?

– Так знамо что, – Гришка пристукнул посохом, – ежели ведьму зашибить, так это дело бого-угодное.

– Придушить лучше. – Демьян помял в ладони кончик рыжей косы, как мечталось, намотал на кулак. – Коли придушим, кровищи не будет и шуму меньше. И веревка, опять же, не понадобится...

...Кто ж ведал, что ведьму убивать так тяжело будет. Хоть бы она глаза закрыла. Так ведь не закрыла! Смотрела прямо в душу, о пощаде не моли-

ла, только шептала что-то непонятное. Может, колдовала напоследок...

Тело они в Лисий ручей сбросили. Вот и все! Косы золотыми змеями мелькнули в воде, и поминай как звали, бесовское отродье. И никто их ни в чем не укорит, особливо ежели сами лишнего болтать не станут. Гришка Хромый точно не проболтается, это пень старый хитрющий, во вред себе ничего не сделает. Ерошка тоже будет язык за зубами держать, потому как трусоват, а за ведьмину смерть можно и головы лишиться. Местные-то хоть и смирные, но в гневе люты. Главное, теперь смотреть, чтоб Ерошка лишнего не выпил. От чарки у него всегда язык развязывается. Хуже всего с Микулой, он после того случая сам не свой сделался. Все больше отмалчивается, думает о чем-то, а о чем – не рассказывает. В церковь повадился, с попом подолгу о чем-то разговаривает. Хоть бы не проболтался. За Микулой надо будет особливо внимательно следить...

* * *

Как же холодно!

Настя поежилась, на все пуговицы застегнула телогрейку, с брезгливостью посмотрела на сидящую на кадлушке с квашеной капустой жабу. В неровном свете керосиновой лампы жабья кожа отсвечивала черным и мерзко поблескивала. Настя перевела взгляд на клеть с прошлогодней картошкой. Сколько ее здесь,

мешков пять-шесть? Это же работа до глубокой ночи! Ну что бы случилось, если бы она перебрала эту чертову, прости, Господи, картошку завтра с утра?! Но с матушкой Василисой бесполезно спорить. «Настасья, завтра по росе пойдем траву косить, а картошку нужно перебрать сегодня».

Вот так: по росе траву косить, а до глубокой ночи возиться с гнилой картошкой в этом мрачном, сочащемся сыростью и холодом погребе.

Нет, она не роптала, ей к командам не привыкать, но как же холодно! Хорошо еще, что сестра Агния, узнав, куда посылает Настю матушка Василиса, посоветовала одеться потеплее и даже одолжила свои резиновые сапоги. За сапоги отдельное спасибо, потому что в погребе ух как зябко, да и вода прямо по стенам сбегает. А картошка гниет! Кто ж хранит овощи в таком ужасном месте?!

Настя поставила керосинку на кадучку рядом с жабой. Жаба возмущенно квакнула, спрыгнула на земляной пол, посидела пару секунд в раздумьях, а потом ускакала в дальний темный угол.

Все, хватит прохлаждаться! Настя присела на корточки перед клетью с картошкой. Эх, тяжело будет вот так, на корточках. Принести бы сверху деревянную скамеечку, на которую усаживается сестра София, когда доит коро-

ву Зорьку, но матушка Василиса не разрешит. «Анастасия, томление тела укрепляет дух».

Ну что ж, укрепляет так укрепляет, можно потерпеть и без скамеечки. Да вот только ее духу больше нужно не укрепление, а успокоение, а матушка Василиса об этом и думать не желает. «И в трудах тяжких обретешь благодать».

Настя была не против труда, и даже тяжкого, но не здесь, в похожем на средневековый застенок погребе, а наверху, там, где светло и воздух пахнет хвоей и луговыми травами, а не перебродившей квашеной капустой и плесенью.

В детстве в их дружной маленькой компании ходила легенда про «фосфорные гнилушки», которые, по словам Сашки, водились только в их речке. Однажды они даже специально совершили вылазку к речке, наковыряли из прибрежного ила с десятков осклизлых, противных на ощупь гнилушек, бережно сложили в пол-литровую банку, принесли к Насте домой. Сашка сказал, что, для того чтобы «фосфорные гнилушки» засветились, нужна темнота, и они, все втроем — Сашка, Настя и ее двоюродная сестра Юлька — заперлись в сарае.

Настя очень хорошо помнила свои тогдашние чувства: жгучую смесь страха, любопытства и ожидания чуда. Но чудо не случилось — речные гнилушки так и не засветились,